

Волгин Е.И.

Перестройка Горбачева и Ельцина: общее и особенное

Волгин Евгений Игоревич — кандидат политических наук, доцент, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: plytony@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [1885-0532](https://elibrary.ru/1885-0532)

Аннотация

В статье предпринята попытка компаративного анализа двух следующих друг за другом и генетически связанных между собой периодов поздней советской и ранней российской истории: горбачевской «перестройки» 1980-х гг. и ельцинской «революции» 1990-х гг. Согласно авторской гипотезе, оба этих временных отрезка, несмотря на все различия, могут рассматриваться как единый трансформационный процесс. Автор сопоставляет эти две эпохи через призму реформаторской деятельности М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Каждый из них являлся не просто лидером-реформатором, а представлял собой определенный социальный феномен. Рассматриваются концептуальные основы реформаторской деятельности двух лидеров, отмечается, что если горбачевская «перестройка» была лишена сколько-нибудь последовательного сценария, то реформы Ельцина имели не только общие стратегические ориентиры, но и четкий тактический план. Говоря о реформах 1985–1991 гг., автор не склонен рассматривать их именно как перестройку в том значении, которое придавал своим новациям Горбачев, т.е. с точки зрения реального изменения и улучшения советской социалистической системы. Настоящая перестройка, считает автор, началась только в постсоветской России и означала кардинальный слом прежней системы и создание новой капиталистической парадигмы. Одним из главных факторов, приведших Горбачева к поражению, стал раскол внутри советской элиты, спровоцированный самим генеральным секретарем в начале политической реформы. Ельцин же, напротив, при всей конфликтности своего курса, сумел в начале правления сплотить региональную элиту посредством заключения федеративного договора. В статье также рассматривается политический переворот как эпифеномен радикальных преобразований, имевший место в годы правления как Горбачева, так и Ельцина, но сыгравший диаметрально противоположную роль в судьбах этих политиков и их непосредственных начинаний.

Ключевые слова

Горбачев, Ельцин, перестройка, реформа, элита, КПСС, президент.

Четверть века отделяет нас от событий, связанных с распадом Советского Союза. Двадцатипятилетие распада СССР — события, по определению Дж. Буша-старшего, «почти библейского масштаба» — было отмечено появлением новых работ отечественных и зарубежных исследователей, которые, учитывая накопленный опыт, пытались заново осмыслить факторы гибели союзного государства. Профессор Гарвардского университета С.Н. Плохий в своей фундаментальной монографии «Последняя империя. Падение Советского Союза» изложил хронологию пяти последних месяцев 1991 г. и предложил собственную оценку событий, обусловивших гибель СССР и начало истории постсоветской России и других стран СНГ¹. Относительно новым направлением в историографии «перестройки» является изучение

¹ *Плохий С.Н.* Последняя империя. Падение Советского Союза. М.: CORPUS, 2016.

юридических механизмов распада СССР. Здесь можно выделить исследование бывшего сотрудника аппарата Президента СССР З.А. Станкевича «Советский Союз: обрыв истории»², книгу молодого исследователя, выпускника Московского университета Д.А. Лукашевича «Юридический механизм разрушения СССР»³, а также коллективное учебное пособие «Распад СССР: историко-правовые проблемы»⁴.

По-прежнему появляются работы, затрагивающие общие проблемы истории «позднего» СССР. Необходимо упомянуть книгу профессора РГГУ, руководителя учебно-научного центра «Новая Россия» Н.В. Елисеевой «История перестройки в СССР: 1985–1991 гг.». Работа представлена в виде учебного пособия, однако ее фундаментальный характер вполне позволяет данному изданию претендовать на роль монографии⁵. Также отметим коллективный труд А.Б. Безбородова, Н.В. Елисеевой, В.А. Шестакова «Перестройка и крах СССР. 1985–1993». Авторы с учетом накопленного исторического опыта пытаются переосмыслить причины катастрофы, которую пережило советское государство. Также предпринимается попытка выявить особенности процесса становления новой России⁶. Н.П. Макаркин в своей сравнительно небольшой работе «М.С. Горбачев и перестройка: попытка объективного анализа» концентрирует основное внимание на последнем советском лидере, пытается раскрыть особенности его характера, которые оказали влияние на ход и итоги «перестройки»⁷. В.И. Манов-Ювенский в книге «Перестройка: Предательство? Провокация? Ошибка? Или неизбежность? Кто виноват? Что делать?» рассматривает последние годы существования Советского Союза в контексте катастроф, имевших место в отечественной истории (Смутное время, Революция 1917 г. и гибель Российской империи)⁸. История повседневной жизни перестроечного и постсоветского лихолетья 1990-х гг. отображена в интересном сборнике «Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг.». Журналисты-составители сгруппировали материал по нескольким тематическим разделам: политика, экономика, культура, общественная жизнь, постсоветское пространство. Это публицистическое

² Станкевич З.А. Советский Союз. Обрыв истории. М.: Книжный мир, 2016.

³ Лукашевич Д.А. Юридический механизм разрушения СССР. М.: Алгоритм, 2016.

⁴ Кожевина М.А., Зайцева Е.С., Киселев С.С. Омская академия МВД РФ. Распад СССР: историко-правовые проблемы: учебное пособие. Омск: Издательство Омской академии МВД, 2016.

⁵ Елисеева Н.В. История перестройки в СССР: 1985–1991 гг. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2016.

⁶ Безбородов А.Б., Елисеева Н.В., Шестаков В.А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб.: Норма, 2016.

⁷ Макаркин Н.П. М.С. Горбачев и перестройка: попытка объективного анализа. М.: URSS, 2014.

⁸ Манов-Ювенский В.И. Перестройка: Предательство? Провокация? Ошибка? Или неизбежность? Кто виноват? Что делать? М.: Спутник+, 2017.

издание, хотя и не претендует на строгое научное изложение, тем не менее, является любопытным источником, иллюстрирующим различные аспекты российского «демократического транзита»⁹.

Реформы Горбачева продолжают привлекать внимание не только историков, но также философов, политологов, публицистов. Так, известный российский мыслитель, бывший сотрудник аппарата ЦК КПСС А.С. Ципко в книге «Перестройка как русский проект: отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя» пытается ввести анализ идейных истоков «перестройки» в контекст современных споров о существовании «особой русской общинной цивилизации»¹⁰. Весьма оригинальной кажется работа Б.В. Межуева «Перестройка-2. Опыт повторения: серия интеллектуальных расследований 2008–2013 годов». Сравнивая время правления Д.А. Медведева и М.С. Горбачева, автор подметил любопытное стремление нынешней российской интеллигенции повторить горбачевскую «перестройку», однако фобии, вызванные ее плачевными итогами, сдерживают эту интенцию¹¹. Нельзя обойти вниманием книгу одного из самых самых известных исследователей позднесоветского периода С.Г. Кара-Мурзы «Крах СССР: кто виноват». Автор уже в самом названии ставит вопрос, ставший поистине «проклятым» для любого исследователя «эпохи перемен»: явился ли крах Советского Союза неизбежной катастрофой, стал ли он следствием грубых ошибок «реформаторского руководства» или, быть может, был результатом широкого заговора советской и зарубежной «элиты»?¹²

Авторы политологических исследований, дабы лучше уяснить диалектику современности, начинают свое повествование от «горбачевской реформации». При изучении перехода российского общества и государства «от тоталитаризма к демократии», эти работы, так или иначе, базируются на транзитологическом подходе. Здесь следует отметить книгу Д.В. Ефременко «Посттравматическая Россия», где исследуются социально-политические трансформации в СССР и постсоветской России, а также рассматриваются основные предпосылки формирования нового социального порядка в контексте отечественной политической истории конца XX — начала XXI в.¹³

⁹ Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг. / Сост. Е.Ю. Бузев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.

¹⁰ Ципко А.С. Перестройка как русский проект: отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. М.: Алгоритм, 2014.

¹¹ Межуев Б.В. «Перестройка-2». Опыт повторения. М.: Весь Мир, 2014.

¹² Кара-Мурза С.Г. Крах СССР: кто виноват. М.: Алгоритм, 2016.

¹³ Ефременко Д.В. Посттравматическая Россия: социально-политические трансформации в условиях неравномерной динамики международных отношений. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

В монографии О.В. Короткова «Авторитарная власть Кремля в условиях социально-политического транзита» на основе релевантной методологии и эмпирических данных проведен научный анализ социально-политических метаморфоз, происходивших в СССР — России с 1985 г. по настоящее время¹⁴. Известный российский политолог В.Я. Гельман в своей книге «Из огня да в полымя: российская политика после СССР» пытается ответить на вопрос, почему за четверть века, прошедшую с момента краха коммунистического режима, российской политике так и не удалось приблизиться к подлинной демократии¹⁵. Заслуживает внимания коллективный труд профессора экономики Массачусетского университета Д.М. Котца и специалиста по российской и советской истории Ф. Вира «Путь России от Горбачева к Путину: гибель советской системы и новая Россия». Авторы оспаривают широко распространенное мнение, согласно которому причиной гибели советской системы стал экономический кризис в сочетании с неприятием социализма советской общественностью. В книге делается вывод, что советская система была демонтирована самой правящей партийно-государственной элитой СССР ради корыстных целей¹⁶.

К сожалению, формат данной статьи не позволяет нам охарактеризовать все современные подходы, так или иначе затрагивающие проблемы трансформации СССР в постсоветский мир. Но даже самый беглый взгляд на упомянутые выше издания свидетельствует о том, что эта тема отнюдь не исчерпала себя. Напротив, споры ученых и публицистов относительно коллизий нашего недавнего прошлого, которое, безусловно, оказывает непосредственное влияние на настоящее и, возможно, предопределит будущее, не утихают. Попытка подвести промежуточные итоги этой дискуссии, а также обобщить накопленные знания о «перестройке» и постсоветской трансформации 1990-х гг. была предпринята на конференции «1991 год: поворот в мировой и российской истории», организованной факультетом государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова¹⁷.

Однако в данной статье мы не ставим перед собой задачу высказать собственную концепцию дезинтеграции Советского Союза. Речь пойдет о попытке

¹⁴ Коротков В.О. Авторитарная власть Кремля в условиях социально-политического транзита. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

¹⁵ Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

¹⁶ Котц Д.М., Вир Ф. Путь России от Горбачева к Путину: гибель советской системы и новая Россия. М.: ЛЕНАНД, 2016.

¹⁷ Конференция «1991 год: поворот в мировой и российской истории», 21 ноября 2016 г. // Факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова [Официальный сайт]. URL: http://spa.msu.ru/details_37_3185.html (дата обращения: 15.01.2018).

осмысления перестройки как непрерывного процесса глобальной трансформации, выходящего за привычные хронологические рамки (1985–1991 гг.). Применяя системно-компаративный подход, мы постараемся не ограничивать известный период временем правления Горбачева, а взглянем на него несколько шире, включив сюда историю России в первые постсоветские годы, которые также можно рассматривать как продолжение перестройки, которая, однако, приобрела совершенно иные коннотации.

Известно, что М.С. Горбачев пришел к власти на фоне углубляющегося кризиса советской системы. Из многочисленных мемуаров, написанных как сторонниками, так и противниками последнего генсека, а также из его собственных воспоминаний следует, что выбор высшей партийной элиты, сделавшей в марте 1985 г. ставку на Горбачева, был отнюдь не случаен. В этом относительно молодом (по сравнению с остальными членами тогдашнего Политбюро) лидере руководство КПСС видело динамичного политика, способного инициировать адекватные преобразования, в которых остро нуждались государство и общество после длительного периода т.н. «застоя». Путь «наверх» для Горбачева не был слишком тернистым. Напротив, успешно пройдя все ступени номенклатурной иерархии, он за каких-то семь лет (с 1978 г., времени его появления в Секретариате ЦК КПСС, по 1985 г.) достиг вершин власти. Его выдвижение и избрание не было сопряжено с острой политической (или же открытой электоральной) борьбой, хотя скрытое противоборство различных групп в недрах Политбюро ЦК перед избранием очередного генсека, безусловно, имело место. Однако носило оно, как это бывает в закрытой политической среде, скрытый («подковёрный») характер, т.е. протекло без участия широких народных (даже партийных) масс. Более того, вплоть до своего избрания на высший партийный пост, да и в последующие годы своего правления Горбачев, ратовавший за демократизацию и альтернативность выборов, практически ни разу не проходил сквозь тернии реальной электоральной конкуренции (если иметь в виду процедуру подлинного всенародного избрания, а не голосование на закрытых собраниях выборщиков, будь то заседания Политбюро, пленумы ЦК или же партийные съезды).

Другое дело — Б.Н. Ельцин. Ему понадобилось почти столько же времени с момента своего появления в Москве (1985 г.), чтобы встать во главе независимого российского государства. Но в отличие от «седьмого секретаря», который не любил подвергать себя излишним электоральным рискам, Ельцин открыто и с большой охотой использовал процедуры всенародного избрания. К концу 1991 г. он трижды побеждал в

открытой предвыборной борьбе (дважды баллотируясь в народные депутаты СССР и России, и один раз — в президенты РФ). Так Борис Ельцин стал первым в истории Российского государства всенародно избранным правителем. Имея столь прочный запас легитимности, Борис Николаевич, хотя и не обладал полновластием генсека-президента, тем не менее, действовал с решимостью подлинного народного суверена.

Итак, если путь во власть Горбачева являет собой весьма спокойное и последовательное восхождение «наверх» по ступеням партийной лестницы, то Ельцин избрал для себя крайне противоречивый и рисковый, но, как показали дальнейшие события, гораздо более убедительный подъем. Отвергнув номенклатурный сценарий, когда продвижение того или иного функционера всецело зависело от воли высших партийных иерархов, Ельцин решил вверить свою судьбу широким народным массам, сделавшим его в начале 1990-х гг. настоящим национальным героем.

С 1987 г., т.е. с момента начала своей новой (не номенклатурной) карьеры, Ельцин будто бы проверял окружающую его политическую действительность «на прочность». Первым таким пробным камнем стала сакральная фигура здравствовавшего Генерального секретаря ЦК КПСС и провозглашенная им политика перестройки, в промежуточных результатах которой Ельцин дерзнул публично усомниться в канун 70-летия Октябрьской революции. Подвергнувшись политическому ostracismу и будучи удаленным Горбачевым (как ему тогда казалось) из публичной политики, Ельцин быстро сумел доказать, что все предпринятые против него санкции носят скорее символический характер и лишь способствуют популяризации «жертвы».

Далее, став главой РСФСР, он возглавил борьбу за российский суверенитет, проверяя на прочность уже Союз ССР. Когда же союзная бюрократия решила-таки отреагировать на попытку отдельных республиканских лидеров во главе с российским президентом подменить федеральный центр аморфной конфедерацией и выставила в качестве своего главного аргумента печально известный Госкомитет по чрезвычайному положению, Ельцин в течение трех дней доказал советской и мировой общественности химерическую сущность как самого ГКЧП, так и его решений. С легкой руки российского президента бронированный кулак, с помощью которого «путчисты» хотели задавить ростки «молодой российской демократии» (тогда в столицу было введено около 4 тыс. чел. личного состава, более 350 танков, около 300 бронетранспортёров)¹⁸, вскоре превратился для москвичей и гостей столицы в

¹⁸ Плохий С.Н. Указ. соч. С. 140.

подвижную выставку военной техники. Тем самым Вооруженные Силы СССР оказались окончательно дискредитированы, а заодно был полностью перечеркнут сценарий т.н. «чилийского варианта» для СССР (подобные фобии были крайне популярными у советских демократов «первой волны»).

Сразу же после «коричневого путча красных» Ельцин продемонстрировал, что и КПСС, этот многомиллионный партийно-государственный монстр, также, в сущности, является фантомом. Устранение этого «революционно-боевого» авангарда советского общества, за которым стояла не только почти столетняя история, но и мощные организационные и материальные ресурсы, как выяснилось, стало делом всего лишь нескольких указов президента России. Наконец, когда основные институты прежней системы оказались демонтированы, дошла очередь и до самого СССР и его президента: «Ельцин и его союзники, победив “старую гвардию”, поняли, что они могут точно так же устранить Горбачева, а вместе с ним — и Союз»¹⁹. В декабре 1991 г. Ельцин доказал, что и Союз ССР, и его президент суть не более чем государственные декорации, которые за ненадобностью были удалены с политической авансцены российским президентом и остальными «пущистами».

Но даже избавившись от Горбачева и став лидером полностью независимого государства, Ельцин не оставил своей привычки «проверять на прочность» окружающую его действительность. Теперь его проверку не прошли ни плановая экономика с ее государственной собственностью на средства производства, ни Съезд народных депутатов России с его Верховным Советом, ни рудименты советской системы на местах, ни лево-патриотическая оппозиция, разгромленная физически осенью 1993 г. и добитая политически летом 1996 г. «Линия поведения Ельцина носила подчеркнуто конфронтационный характер, и он сознательно... избегал любых политических компромиссов, поскольку те привели бы к ограничению его власти», — именно так характеризует тактику первого президента России в период непродолжительного существования «августовской республики» Валерий Соловей²⁰.

Единственным камнем преткновения, оказавшимся первому президенту России не по зубам, стала мятежная Чечня. Не вдаваясь в суть того кровопролитного конфликта, отметим, что здесь Ельцину как главе еще не вполне оформившегося государства пришлось столкнуться не с дезориентированными и ослабленными

¹⁹ Котц Д.М., Вир Ф. Указ. соч. С. 188.

²⁰ Соловей В.Д. Революtion! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2017. С. 320.

длительным кризисом институциями, а с молодым, воинственным, хорошо вооруженным и этнически сплоченным режимом. Все остальные антагонисты Ельцина на поверку оказывались не столь грозными оппонентами, т.к. являлись плоть от плоти распадавшейся социально-политической материи. Ельцин же в своей борьбе с Горбачевым, КПСС, Союзом ССР, советской экономикой и т.д. консолидировал новые социальные силы, возникшие вследствие разложения социалистической системы (либеральную интеллигенцию, бенефициаров номенклатурной приватизации, региональную элиту, вырвавшуюся наконец-то из-под «гнета» Москвы, и, безусловно, народные массы, уставшие от безысходности «перестройки»). Именно поэтому субверсивная стратегия Ельцина в конце 1980-х — начале 1990-х гг. имела такой успех.

Таким образом, феномен Ельцина, в отличие от феномена Горбачева, имел более глубокие социальные корни. Если первый, успешно войдя в амплу народного трибуна, артикулировал конкретные интересы различных общественных слоев, изрядно подогретые «перестройкой», то второй, оставаясь номенклатурным выдвиженцем, оторванным от масс, так и не понял, выражаясь словами Ю.В. Андропова, то общество, в котором собирался проводить свои эксперименты. В итоге кредит прежней всенародной любви к генсеку-президенту в 1989–1990 гг. оказался практически исчерпан. Разобщенный и дезориентированный советский социум был готов поддержать того лидера, который вместо абстрактной «перестроечной» риторики о построении социализма «с человеческим лицом» предложит конкретную программу реконструкции экономической и политической системы, которая реально сможет улучшить положение дел, пусть в рамках отдельно взятой (но при этом самой экономически развитой и ресурсно-богатой) республики. Именно таким политиком оказался Борис Ельцин.

По мнению М. Гельмана, вокруг российского лидера в начале 1990-х гг. стихийно сформировалась коалиция «негативного консенсуса», состоявшая из самых разных личностей и групп, против общего врага в лице союзных властей. В ее ряды входили и идеологические либералы (сторонники рыночных реформ), и демократы-антикоммунисты, и ряд заинтересованных групп — соискателей политической ренты, и вовремя присягнувшие Ельцину чиновники общероссийского и регионального уровня²¹. Но здесь надо сделать одно уточнение: та всенародная популярность и поддержка, которой пользовался Ельцин в конце 1980-х — начале 1990-х гг., явилась

²¹ Гельман В.Я. Указ. соч. С. 74.

прямым следствием неудачных горбачевских экспериментов, которые, дезорганизовав и ослабив прежнюю систему, разрушив «железный занавес», породили бурный рост новых социальных ожиданий у самых разных сегментов позднесоветского общества. Удовлетворить эти потребности (правда, как вскоре выяснилось, далеко не всех, а избранных) вызвался Борис Ельцин.

И Горбачев, и Ельцин как политики твердо верили в свою мессианскую роль, которую готовились сыграть в судьбах Отечества. Горбачев, пытаясь встать в один ряд с Лениным, примерял на себя тогу выдающегося реформатора, прямого продолжателя ленинских идей, спасителя социализма и коммунизма. Ельцин же, сбросив ненужную «идеологическую чешую», планировал стать отцом-основателем новой, процветающей, демократической и капиталистической России. Несмотря на различие стратегий, которые выстраивали эти политики, оба допускали одну и ту же ошибку. Понимая кризисное состояние самой системы, они существенно упрощали и примитивизировали накопившиеся проблемы, а потому демонстрировали крайне амбициозно-популистскую уверенность в их быстром преодолении. В связи с этим вспоминается характерная фраза из последнего новогоднего телеобращения Ельцина 31 декабря 1999 г.: «Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним махом... сможем перепрыгнуть... в светлое, богатое, цивилизованное будущее.... Мне казалось, что чуть поднатужимся и все одолеем — одним рывком. Не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным. Где-то проблемы оказались слишком сложными»²². Эта фраза имела определенный смысл и не являлась лишь фигурой речи в устах первого российского президента. Кстати, в своем «прощальном обращении» 25 декабря 1991 г. генсек-президент СССР упоминает о своих ошибках и просчетах лишь вскользь.

Однако у Ельцина, в отличие от Горбачева, все-таки имелась не только общая стратегия, но и весьма конкретная тактика преобразований. Так, программой-максимум для него стало внедрение в России «ударными темпами» капиталистического уклада, а программой-минимум — известная «шоковая терапия» в экономике (и, как вскоре выяснилось, — в политике тоже). Как отмечают исследователи, если либерализм Горбачева был «стыдливым», с оглядкой на советский «социализм», и дальше социал-либеральных разговоров и проектов не шел, то экономический либерализм Ельцина и Гайдара, освобожденный от идеологии, означал открытый курс на реставрацию

²² Ельцин: Я ухожу и прошу у вас прощения // YouTube [Сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Tp9FS3OdoAQ> (дата обращения: 25.10.2017).

капитализма²³. Уже в феврале 1992 г. российское правительство и Центробанк выпустили документ под названием «Манифест об экономической политике РФ», где содержалась конкретная программа «шоковой терапии» на ближайшую перспективу. Она предполагала освобождение почти всех цен, достижение нулевого бюджетного дефицита к концу года, резкое снижение субсидий предприятиям, жесткие условия кредита, коммерциализацию госпредприятий с их дальнейшей приватизацией и т.д.²⁴

У Горбачева же не было какого-либо плана преобразований. Его основной установкой, по воспоминаниям ближайшего окружения, являлась известная фраза Наполеона: «Надо ввязаться в бой, а там посмотрим»²⁵. Тщетно пытаясь в начале «перестройки» переломить ситуацию в народном хозяйстве с помощью административных мер (борьба с нетрудовыми доходами, пьянством, введение госприемки на предприятиях и т.д.), Горбачев под давлением либеральных советников-экономистов вскоре согласился предоставить некоторую экономическую свободу социалистическим предприятиям, синхронно ослабляя контроль КПСС в ходе политической реформы. Когда же выяснилось, что эти конвульсивные меры успешно обращаются хозяйственной номенклатурой к собственной выгоде, усугубляя и без того тяжелое положение советской экономики, а электоральная демократия вместо желаемого консенсуса и притока «свежих, перестроечных сил» во власть привела к эскалации напряженности и межнациональным конфликтам, Горбачев задался целью реформировать советскую федерацию, заявив о необходимости заключения нового Союзного договора. Эта попытка «перезагрузить» СССР поставила под сомнение саму легитимность существующего государства.

Деятельность последнего советского лидера можно условно описать в виде следующей упрощенной схемы. После безуспешных попыток решить проблему А (интенсификация экономики) Горбачев переключается на проблему В (модернизация политической системы и управления), от разрешения которой, как ему кажется, зависит решение проблемы А. Однако вновь потерпев фиаско, Горбачев переходит к проблеме С (новый Союзный договор и реформа советской федерации), которая, в свою очередь, должна стать выходом из той критической ситуации, в которой оказалась страна после того, как генсек взялся за решение проблемы В. Неудивительно, что, не

²³ Мухачёв В.В. Приватизация России, или Игра без правил: к дискуссии о прошлом в преддверии будущего. М.: URSS, 2014. С. 68.

²⁴ Котц Д.М., Вир Ф. Указ. соч. С. 209.

²⁵ Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М.: Республика, 1995. С. 152.

решив ни одну из поставленных задач, но при этом предельно обострив внутренние противоречия СССР, генсек-президент потерпел фиаско.

Таким образом, если невнятные камлания Горбачева о необходимости построения «социализма с человеческим лицом» по мере нарастания трудностей «перестройки» все больше девальвировалась, вызывая раздражение в обществе, то ельцинская рыночная стратегия, хоть и претворялась в жизнь крайне болезненно, тем не менее, четко указывала основной вектор трансформации, не допуская сколь-нибудь серьезных отступлений (даже несмотря на попытки оппозиции если не радикально поменять, то как-то скорректировать реформы). Такая жесткая и во многом принудительная перестройка 1990-х гг. не оставляла никаких иллюзий и альтернатив, столь характерных на заре «романтической» горбачевской эры. Она заставляла «дорогих россиян» действительно перестраиваться (для многих это было в полном смысле слова вопросом выживания), адаптироваться к новым реалиям, ломая «через колено» (выражение самого Ельцина) само советское общество с его ментальностью. Парадоксально, но факт: в начале своего правления Горбачев все время твердил о необходимости перестройки сознания масс, чтобы советские граждане (от рабочего до руководителя), осознав важность момента, начали жить и работать по-новому. И именно эта установка в наибольшей степени реализовалась уже при Ельцине.

Несмотря на отсутствие у Горбачева внятной концепции преобразований и его пристрастие к различным импровизациям, которые приходилось совершать «на марше», демократические завоевания перестройки 1980-х гг., на первый взгляд, кажутся бесспорными. Более того, бытует мнение, что после 1991 г. в России больше не происходило сколь-нибудь существенного приращения демократии²⁶. Другое дело, насколько само понятие «перестройка» соответствует содержанию горбачевского правления? Иначе говоря, что именно удалось перестроить Горбачеву за почти семилетний период правления? Отвечая на этот вопрос, обычно вспоминают то, что лежит на поверхности. Это и шокирующая гласность, беспощадно бичующая прошлое и настоящее советского строя, и некоторая свобода экономической деятельности, дарованная кооперативам и госпредприятиям, и возникновение неформальных объединений, и первые свободные выборы, и создание новых политических институтов, и отмена всевластия КПСС.

²⁶ Котц Д.М., Вир Ф. Указ. соч. С. 85.

Однако все эти явления позднесоветской истории вряд ли можно назвать перестройкой, если понимать под этим термином качественное совершенствование советской системы при ее безусловном сохранении и укреплении. Так, осторожные дискуссии вокруг актуальных проблем советского прошлого вскоре вылились в делигитимацию советского строя, дозированная критика «механизма торможения» привела к дискредитации КПСС как правящей партии, пришедшей к власти «неконституционным» путем, самоуправление на госпредприятиях стало началом «номенклатурной приватизации», появление первых неформалов, осторожно дискутирующих неполитические темы, знаменовало институализацию непримиримой антисоветской (а в ряде республик — националистической) оппозиции и т.д.

Иными словами, «горбачевская реформация» привели СССР к началу непримиримой борьбы «всех против всех»: демократов против коммунистов, национал-сепаратистов против союзного центра, Ельцина против Горбачева и т.д. Стремительная эскалация этого противостояния по мере «углубления перестроечных процессов» вскоре взорвала союзное государство. Конечно, «перестройка», предельно обнажив проблемы советского строя, позволила начать открытую и жесткую, но при этом крайне необходимую дискуссию для выявления и изживания накопившихся противоречий. Но разрешить их, удовлетворив при этом непримиримых антагонистов, появившихся как раз в результате этих антиреформ, советская система оказалась не в состоянии.

Настоящая перестройка в центре и на местах началась в России лишь в годы правления Ельцина. Правда, первый президент России не употреблял этот термин, дабы не вызывать ненужных ассоциаций со своим главным (до декабря 1991 г.) оппонентом. Как очень точно подметил тогда обозреватель «Московских новостей» Лен Карпинский: «Перестройка кончилась, начинается новостройка»²⁷. Как бы то ни было, но именно при Ельцине экономика буквально за несколько лет была перестроена на иной, капиталистический лад посредством революционного изменения отношений собственности (которая была приватизирована и, увы, примитивизирована). К концу 1997 г. негосударственный сектор экономики производил примерно 70% ВВП²⁸.

Радикальные изменения затронули политическую систему. Если Горбачев ратовал за полновластие Советов, требуя от партийных инстанций прекратить прямое вмешательство в дела государства, то при Ельцине произошла иная реконфигурация

²⁷ Прощай, нерушимый. Анализ освещения развала СССР на страницах газет в 1991 году // Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг. С. 64.

²⁸ Мухачёв В.В. Указ. соч. С. 191.

политического пространства. На месте Советов, так и не успевших после падения КПСС вкусить реального полновластия, возникли новые законодательно-представительные институты с весьма ограниченными полномочиями. Власть же, недолго блуждавшая между партийными и советскими органами, после исчезновения последних в 1993 г. вновь перетекла в исполнительные структуры в центре и на местах²⁹. Новая властная конфигурация была закреплена в Конституции 1993 г., где прежнюю «шестую статью» во многом заменила глава о Президенте. Коммунистические парткомы уступили место президентским (республиканским) и региональным (губернаторским) администрациям (не представлявшим, однако, несмотря на конституционные требования, единой системы исполнительной власти). Да и сама эффективность этих новых институций, учитывая деструктивную специфику демократического транзита, высокую конфликтность политического процесса, коррумпированность, nepотизм и криминализацию, оставляла желать лучшего даже в сравнении с коммунистическими инстанциями. Отладка этой новой системы госуправления России продолжается и по сей день.

Правление М.С. Горбачева сопровождалось глубоким расколом властвующей партийно-советской элиты. Источником конфликта выступил сам «седьмой секретарь», подозревавший региональную номенклатуру в «тихом саботаже» его «революционных» начинаний. Убедившись в неэффективности персональных кадровых перетрясок в первые годы своего правления, генсек решил провести системное обновление партийно-советских органов посредством относительно свободных альтернативных выборов. На место «толстокожих» руководителей (как часто называл партийно-советских деятелей на местах сам Горбачев) должны были прийти свежие силы, способные наконец сдвинуть перестроечные процессы с мертвой точки. Электоральная демократия, грозившая региональным баронам с партбилетами потерей их привилегированного статуса, не на шутку растревожила республиканские элиты, толкнув последних в объятия слепого национал-сепаратизма. Следствием принятых решений также стало снижение сплоченности номенклатуры, ее дифференциация и оформление внутривнутрипартийных течений³⁰.

Первые годы правления Б.Н. Ельцина в качестве президента независимого государства также были весьма далеки от консенсуса. «Шоковая терапия» в экономике

²⁹ Волгин Е.И. Становление органов государственной власти субъектов Российской Федерации в 1990-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 3. С. 48–63.

³⁰ Ефременко Д.В. Указ. соч. С. 17.

(вопрос о собственности) и борьба за новую Конституцию (вопрос о власти) привели к антагонистическому противоборству в среде правящего «демократического» лагеря, которое завершилось вооруженным столкновением с участием различных политических сил. Однако начавшийся в России раскол властных элит, грозивший перерасти в широкомасштабный гражданский конфликт, удалось вовремя локализовать и подавить. Кроме того, Ельцин, в отличие от Горбачева, оказался в более выгодном положении. Несмотря на непримиримое противостояние между президентом и парламентом, сам конфликт (его, так сказать, «горячая фаза») протекал скоротечно и носил столичный характер, т.е. не затронул регионы, руководители которых (всенародно избранные президенты национальных республик и назначенные Ельциным главы администраций) сохраняли лояльность президенту, от победы которого зависело, в том числе, и их будущее. Местные Советы, разумеется, не одобряли известный указ № 1400, тем не менее, учитывая специфику российской глубинки, где испокон веков доминировала исполнительная ветвь власти, воздержались от повторения московского сценария.

Немаловажным фактором, консолидировавшим региональную элиту незадолго до октября 1993 г., стал подписанный в 1992 г. Федеративный договор (точнее — система федеративных соглашений с разными видами субъектов Федерации). Хотя всю работу по подготовке этого документа, по свидетельству Р.И. Хасбулатова, проделал Верховный Совет РФ³¹, результатами воспользовался именно Ельцин. Ибо сам договор заключался между ним как главой исполнительной власти и аналогичными политическими контрагентами: президентами национальных республик, главами региональных администраций и председателями правительств. То, что не удалось совершить Горбачеву в масштабах СССР, удалось сделать Ельцину, правда в масштабах России. После политической встряски, которую произвела в СССР политическая реформа, генсек-президент так и не сумел консолидировать республиканские элиты в рамках т.н. «новоогаревского процесса» и, тем самым, сохранить хотя бы видимость союзного государства. Ельцин же, напротив, делегировав регионалам столько суверенитета, сколько те могли в то время «проглотить», обеспечил их лояльность в октябре 1993 г. Обеспечив нейтралитет региональных властей, президент России, в отличие от президента Союза ССР, сумел сохранить пусть аморфную, противоречивую, слабую, но территориальную целостность РФ³².

³¹ Хасбулатов Р.И. Преступный режим. «Либеральная тирания» Ельцина. М.: Яуза-пресс, 2011. С. 65.

³² Коротков В.О. Указ. соч. С. 86.

После принятия новой Конституции многие прерогативы, дарованные Федеративным договором, оказались урезаны. Но потребуются годы, чтобы привести реальное положение дел на местах в соответствие с требованиями нового Основного Закона и федерального законодательства. Пока же Ельцин, невзирая даже на «свою» Конституцию, продолжал делегировать на места дополнительные полномочия, закрепленные в форме двусторонних соглашений по результатам закулисных переговоров между центром и главами субъектов РФ. Такой тип отношений между центром и регионами получил название «исполнительного федерализма»³³.

В отношении же несистемных сил, которые пришли к власти в Чечне вследствие госпереворота и не желали играть с Ельциным по старым правилам номенклатурной лояльности, пришлось применять военную силу, тем самым показав остальным, что президентская власть в состоянии использовать, если потребуется, и этот ресурс. Федеральная интервенция в Чечне, хотя и встревожила региональную элиту (тогда ее осудили депутаты не только Госдумы, но и Совета Федерации), тем не менее, не оттолкнула ее полностью от Ельцина. В 1996 г. «федеративный контракт» был пролонгирован: регионалы приложили немало усилий для переизбрания Ельцина на второй срок, получив взамен новые преференции.

Таким образом, в отличие от Горбачева, который своей политикой сумел настроить против себя республиканскую номенклатуру, Ельцин, напротив, умело использовал этот важный ресурс в борьбе со своими оппонентами. Правда, платить за это президенту России приходилось все большей утратой контроля над территориями и усложнением внутривнутриполитической ситуации в целом. Кроме того, к концу 1990-х гг. этот внутриэлитный пакт стал давать сбои. Перед парламентскими выборами 1999 г. на авансцену неожиданно выплыл блок «Отечество — Вся Россия», укомплектованный руководителями экономически самодостаточных регионов, готовыми оспорить генеральный план передачи власти «от Ельцина к Путину». Но и с этой проблемой Кремль, используя опробованные со времен президентской гонки 1996 г. административно-электоральные механизмы, успешно справился.

Казалось, что оба президента, дабы задобрить регионалов, предпринимали одни и те же манипуляции, раздавая все новые и новые полномочия. Но при этом один почему-то проиграл, а второй — удержался. Если Горбачев ограничивался лишь *интенциями* повысить экономическую самостоятельность территорий, наделить

³³ Захаров А.А. «Исполнительный федерализм» в современной России // ПОЛИС. Политические исследования. 2001. № 4. С. 122.

подлинным суверенитетом союзные и автономные республики, наконец, перезаключить сам Союзный договор, то Ельцин делегировал на места весьма конкретную власть и вполне реальную собственность. К тому же, Горбачев, затеяв «новоогаревский процесс», уже сам не вполне контролировал то, что обещал раздать республикам. Ельцин же, напротив, окончательно «отвоевав» Россию у Союза в декабре 1991 г., если и не ощущал себя полноценным хозяином нового государства, то закреплял в своей федеративной политике реальное положение дел, которое сложилось к началу 1990-х гг. Возможно, со временем и Ельцин (задержись он на своем посту еще на несколько лет) оказался бы в положении Горбачева, столь стремительно «обнулившего» свои активы верховного суверена, что делиться с вассалами оказалось практически нечем. В случае реализации такого сценария регионалы также могли сдать первого президента России в «музей истории» задолго до истечения его официальной легислатуры. Однако в конце 1990-х гг. наметилась четкая тенденция к упорядочиванию отношений между центром и субъектами Федерации и десуверенизации последних.

Что именно послужило решающим фактором рецентрализации власти? Очевидно, помимо сугубо политических причин (избрание нового президента, не разделявшего прежней стратегии «глотания суверенитетов», попытка навести элементарный порядок в управлении страной, усталость российского социума от безвластия и т.д.), немаловажной консолидирующей силой выступил именно экономический аспект. Развитие рыночных отношений объективно требовало единого государственного (хозяйственного, налогового, транспортного, правового и т.д.) пространства и априори конфликтовало с удельно-губернаторским партикуляризмом. Неудивительно, что одним из создателей и основных спонсоров Межрегионального движения «Единство» (партии Путина) выступил крупнейший на тот момент олигарх — Борис Березовский. К сожалению, аналогичный фактор не мог сплотить разваливавшийся СССР. Советский «перестроечный» бизнес казался еще слишком слабым, чтобы лоббировать создание общесоюзного рынка в качестве механизма государственной консолидации (напротив, хозяйственная номенклатура жаждала скорейшей приватизации, чтобы стать полновластным владельцем госсобственности в своих республиках). Прежние институции централизованного планирования СССР (Госплан, Госнаб и т.д.), которые как-то удерживали страну, к декабрю 1991 г. были упразднены.

Новая российская власть оказалась гораздо более свободной от влияния каких-либо идеологических догм и партийных инстанций. Учреждаемые Администрацией Президента в 1990-е гг. лоялистские партийные проекты носили недолговременный характер и не оказывали никакого влияния на исполнительную власть. Не об этом ли мечтал Горбачев, когда в 1988 г. на XIX партконференции декларировал необходимость отсоединения союзной компартии от государства? Однако он так и не сумел прочертить четкую грань между партийными и советскими инстанциями, пока Борис Ельцин в августе 1991 г. окончательно не решил «проблему КПСС», логически завершив политику департизации³⁴.

Тотальная деидеологизация и департизация режима Бориса Ельцина, безусловно, сыграла свою позитивную роль. Это обеспечило ему определенную гибкость, дав возможность бесконечно мимикрировать, принимая на вооружение риторику своих оппонентов, не опасаясь при этом осуждения со стороны своей партийно-политической корпорации. Горбачев вплоть до августа 1991 г. оставался довольно крепко привязанным к органам компартии. Несмотря на отмену «шестой статьи» и последующее падение властного статуса КПСС, генсек-президент продолжал использовать партийную систему для удержания ситуации под контролем в стране в условиях нарастающего вакуума власти. Резкое размежевание Горбачева с КПСС произошло лишь после известных событий августа 1991 г. Тогда его мнение относительно будущего союзной компартии казалось однозначным: «Она свою историческую роль отыграла и должна была уйти со сцены»³⁵. Тем не менее, добровольная отставка Горбачева с поста генсека не спасла его как президента СССР.

Борис Ельцин, напротив, официально распрощавшись с КПСС летом 1990 г., не спешил обзаводиться новой партией, пусть даже всецело поддерживающей российского лидера. Симпатизируя то Демократической платформе в КПСС, то Демократической России, он делал ставку на широкую общественную коалицию, сохраняя внепартийный статус. Лишь после октября 1993 г. перспектива создания пропрезидентской партии и проправительственных институций получила некоторое воплощение. Однако все эти партийные проекты 1990-х гг. играли роль декораций, установленных на политической авансцене для обрамления президентской власти в канун очередных выборов. Существовая лишь в медийном пространстве, эти

³⁴ Волгин Е.И. Проблема департизации в России в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 4. С. 102–123.

³⁵ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. В 2 кн. М.: Новости, 1995. Кн. 2. С. 578.

квазипартийные субституты не имели ни сколько-нибудь внятной идеологии, ни внутрипартийной дисциплины, ни четкой организации, ни ярких харизматичных лидеров. Отсутствие устойчивой электоральной машины, безусловно, создавало определенные трудности президентской администрации, вынуждая ее перед очередным электоральным циклом «перезагружать» партию власти.

С другой стороны, подобная многоликость «масок партии власти» (по выражению Г.А. Зюганова) создавала определенные помехи для оппонентов, вынуждая их на протяжении 1990-х гг. вести борьбу не с конкретной организацией, а персонально клеймить «антинародный режим Бориса Ельцина» (его «банду», «Семью» и т.д.). При таком раскладе виновным во всех пороках системы, возведенной на руинах советской цивилизации, становился лишь Борис Ельцин и его камарилья. С другой стороны, избирателю казалось, что сама внутривластная ситуация в России конца 1990-х гг., которую хотя и отличали тотальная криминализация, nepoтизм, вопиющая социальная несправедливость, тем не менее, при изменении определенных опций (в данном случае — удалении от власти Ельцина с «Семьей») поддавалась улучшению без радикального слома выстроенной им же системы. Именно на этом делали акцент те силы, которые вызвались обеспечить преемственность политического курса на рубеже веков. Кризис же в СССР в конце 1980-х — начале 1990-х гг., напротив, преподносился антагонистами Горбачева не только как следствие фатальных ошибок генсека-президента, которые еще возможно как-то поправить (например, посредством смены лидера), но и как фатальное банкротство «казарменного коммунизма», построенного под диктат нелегитимной партии-государства. Исходя из такого подхода, вся советская парадигма не подлежала реформированию и требовала полной элиминации.

Ключевое значение в истории перестройки Горбачева и Ельцина сыграли такие экстраординарные явления, как референдум и заговор. Если этимология первого термина очевидна и не требует специального разъяснения, то под словом «заговор» в данном случае понимается попытка определенных сил радикально переломить политическую ситуацию в свою пользу с помощью неконвенционных ресурсов. За три года (с 1991 по 1993 г.) Россия пережила четыре референдума и два путча (а то и три — если считать мирный «беловежский путч»). Причем именно плебисцит предвосхищал последующий переворот (или его попытку), а последний, в свою очередь, выступал неким эпифеноменом «прямой демократии». Противоборствующие акторы, дабы оправдать использование нелегитимного (силового) ресурса, апеллировали к

референдуму, результаты которого, при более тщательном рассмотрении, выглядели не столь безусловными.

Так, члены ГКЧП подкрепляли свои действия результатами референдума 17 марта 1991 г. о сохранении Союза ССР, итоги которого, как гласило соответствующее воззвание, оказались растоптаны³⁶. Действительно, тогда 76% граждан высказалось за сохранение Союза ССР как обновленной федерации. Однако, как известно, шесть союзных республик официально не участвовали в голосовании (три прибалтийские республики, Грузия, Молдова и Армения). В Казахстане вопрос, выносимый на всенародное обсуждение, был несколько изменен, а в России и на Украине союзный референдум был совмещен с республиканскими плебисцитами, результаты которых во многом обнуляли положительный ответ граждан этих республик на главный вопрос о целостности СССР. Наконец, сама идея проведения общесоюзного референдума выглядела весьма странно: «существование Советского Союза становилось предметом обсуждения, что само по себе означало признание проблематичности данного вопроса»³⁷. Однако все эти нюансы, интересные разве что специалистам, Верховный Совет СССР предпочел не замечать, объявив результаты референдума 17 марта 1991 г. окончательными и имеющими обязательную силу на всей территории Советского Союза³⁸.

Союзный референдум, в свою очередь, породил такое явление, как «новоогаревский процесс» (переговоры между Горбачевым и президентами республик о новом Союзном договоре), в ходе которого концепт союзного государства оказался подменен аморфной конфедерацией, что впоследствии заставило «путчистов» (как гласит их версия событий) прибегнуть к экстралегальным рискам. При этом сам Горбачев, хотя впоследствии всячески отмежевывался от создателей ГКЧП, как свидетельствуют факты, косвенно выступил одним из его соорганизаторов. Еще в первой половине 1991 г. генсек-президент, по словам его тогдашнего окружения (В. Болдина, О. Шенина и др.), часто говорил о необходимости введения чрезвычайных мер на случай окончательного внутривнутриполитического коллапса СССР. Когда же был запущен «новоогаревский процесс», Горбачев, как обычно, решил поменять своих контрагентов в лице союзных администраторов и силовиков на республиканских

³⁶ Правда. 20 августа 1991. С. 1.

³⁷ Фроянов И.Я. Россия. Погружение в бездну. М.: Эксмо, 2009. С. 279.

³⁸ Постановление Верховного Совета СССР от 21.03.1991 «Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 г.» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 13. Ст. 350.

президентов. Это вызвало явное неудовольствие первых, и они решили действовать. В итоге получилось так, что созданная Горбачевым машина в лице ГКЧП была запущена влиятельными представителями союзной бюрократии самостоятельно, без ведома президента СССР, которого просто поставили перед фактом. Все это, как известно, привело к фатальным последствиям.

Борис Ельцин, будучи в России первым «народным политиком», особенно в начале своего правления, всецело подкреплял свои действия результатами выборов и референдумов. На том же союзном референдуме 17 марта 1991 г. более 71% россиян поддержали введение поста президента в РСФСР. Тогда мало кто сомневался, что первым президентом России станет Ельцин. Действительно, 12 июня 1991 г. за него проголосовало 57% избирателей (свыше 45 млн чел.). Столь внушительная победа позволила президенту России активизировать наступление на слабеющие партийно-союзные бастионы, полностью ликвидировав их к концу 1991 г. Однако 25 апреля 1993 г., во время очередного российского референдума, призванного разрядить обстановку в условиях нараставшего противоборства президента и парламента, ситуация выглядела не столь однозначно. Тогда за досрочные выборы Президента высказалось 34 млн граждан, а 32 млн проголосовало против. За досрочное переизбрание народных депутатов выступило 46 млн, и лишь 20 млн не увидело в этом необходимости³⁹. Таким образом, если по вопросу о необходимости досрочного переизбрания президента в российском обществе сложилось некое равновесие, то парламент почти вдове проигрывал исполнительной власти. И хотя референдум не имел юридической силы и не выглядел как однозначная победа президента, Борис Ельцин счел его итоги достаточным основанием для роспуска Съезда и Верховного Совета, инициировав, по сути, тот же путч, которому противостоял в августе 1991 г., но с гораздо более драматической развязкой.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, эти опасные игры в прямую демократию, хорошо известные в России до 1993 г., были полностью элиминированы из политической практики в последующие годы (однако желающих их возродить было и остается немало). Справедливости ради надо сказать, что и политический заговор как некий негативный феномен также исчез из общественной практики после 1993 г. Хотя, конечно же, на протяжении 1990-х гг. у политиков как правящего, так и оппозиционного лагеря иногда возникали интенции к подобного рода действиям. Здесь

³⁹ Российская газета. 6 мая 1993.

можно вспомнить и планы ближайшего окружения Ельцина распустить II Думу с последующим переносом (либо полной отменой) президентских выборов 1996 г., и возможность Г.А. Зюганова объявить результаты того же голосования нелегитимными с перспективой устройства «российского майдана», и опасную (хотя опасность ее была сильно преувеличена СМИ) стратегию А.И. Лебеда после того, как он занял высокий пост в президентской администрации, и, наконец, «дело» генерала Л.Я. Рохлина, когда он, по свидетельствам очевидцев, замыслил военный переворот с последующим устранением президента. Но все эти сценарии, к счастью, так и остались нереализованными.

Возвращаясь к путчу как эпифеномену глобальных перемен в СССР и России, отметим, что в обоих случаях он выступил своеобразным триггером политического процесса, сыграв диаметрально противоположную роль в судьбах как самих государств, так и их лидеров. Если для Михаила Горбачева события 19–21 августа 1991 г. ускорили крах его политической карьеры, что затем повлекло за собой коллапс всего союзного государства, то для Бориса Ельцина «октябрьская революция» 1993 г. стала новым этапом укрепления не только президентской власти, но и, как это ни странно звучит, государства в целом, уставшего от двоевластия «августовской республики».

Итак, подводя итог, можно сделать вывод, что период с 1985 по 1999 г. являлся единым процессом глобальной социально-экономической и общественно-политической трансформации. Объявленная Горбачевым весной 1985 г. скромная (если сравнивать ее с дальнейшими тектоническими изменениями) попытка ускорения экономического развития на базе научно-технического прогресса хотя и не достигла заявленных целей, тем не менее, сильно раскрутила и ускорила политический процесс. Лишь в 2000-е гг., после пятнадцатилетней «перестроечной лихорадки», терзавшей сначала СССР, а затем Россию, социально-экономические, государственно-политические и общественные процессы и отношения, обретая новые очертания, начали постепенно входить в свои берега. «Мирная» социальная энергия миллионов советских граждан, которую пытался использовать Горбачев в целях социалистической модернизации, практически незаметно за какую-то пару «перестроечных» лет (с 1989 по 1990 г.) обернулась деструктивной силой в умелых руках мощных антисистемных центров, преследовавших собственные узкогрупповые, волюнтаристические, радикально-националистические, а то и откровенно криминальные цели. Все это происходило в

условиях намеренного отключения реформаторским меньшинством из числа высшего руководства КПСС прежней системы управления (ее руководящих, направляющих и подавляющих механизмов), выдаваемого (осмысленно или нет — другой вопрос) за «демократизацию» и «гуманизацию» советского строя.

Однако в декабре 1991 г., когда партикулярные интересы посткоммунистических элит окончательно поглотили союзный центр вместе с его лидером, перестройка не была завершена. Напротив, можно сказать, что к декабрю 1991 г. известный процесс прошел лишь половину пути, но самые главные преобразования ждали еще впереди. Тогда завершился первый, подготовительный этап грядущих реформ. За почти семь «перестроечных» лет различные номенклатурные клики доказали дезориентированному и дезорганизованному социуму бесперспективность сохранения прежнего уклада ввиду якобы его полной нежизнеспособности и одновременно психологически подготовили людей к более радикальной встряске. Второй этап глобальной трансформации осуществлялся уже на постсоветском пространстве, обретая в каждой бывшей республике СССР свою специфику. Но везде, в том числе и в России, он оказался весьма далек от тех благих начинаний, которые постулировали вожди как мнимой, так и реальной перестройки.

Список литературы:

1. *Безбородов А.Б., Елисеева Н.В., Шестаков В.А.* Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб.: Норма, 2016.
2. *Болдин В.И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М.: Республика, 1995.
3. *Волгин Е.И.* Проблема департизации в России в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 4. С. 102–123.
4. *Волгин Е.И.* Становление органов государственной власти субъектов Российской Федерации в 1990-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 3. С. 48–63.
5. *Гельман В.Я.* Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013.
6. *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. В 2 кн. М.: Новости, 1995. Кн. 2.
7. *Елисеева Н.В.* История перестройки в СССР: 1985–1991 гг. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2016.

8. Ельцин: Я ухожу и прошу у вас прощения // YouTube [Сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Tp9FS3OdoAQ> (дата обращения: 25.10.2017).
9. *Ефременко Д.В.* Посттравматическая Россия: социально-политические трансформации в условиях неравномерной динамики международных отношений. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.
10. *Захаров А.А.* «Исполнительный федерализм» в современной России // ПОЛИС. Политические исследования. 2001. № 4. С. 122–131.
11. *Кара-Мурза С.Г.* Крах СССР: кто виноват. М.: Алгоритм, 2016.
12. *Кожевина М.А., Зайцева Е.С., Киселев С.С.* Омская академия МВД РФ. Распад СССР: историко-правовые проблемы: учебное пособие. Омск: Издательство Омской академии МВД, 2016.
13. Конференция «1991 год: поворот в мировой и российской истории», 21 ноября 2016 г. // Факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова [Официальный сайт]. URL: http://spa.msu.ru/details_37_3185.html (дата обращения: 15.01.2018).
14. *Коротков В.О.* Авторитарная власть Кремля в условиях социально-политического транзита. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
15. *Котц Д.М., Вир Ф.* Путь России от Горбачева к Путину: гибель советской системы и новая Россия. М.: ЛЕНАНД, 2016.
16. *Лукашевич Д.А.* Юридический механизм разрушения СССР. М.: Алгоритм, 2016.
17. *Макаркин Н.П.* М.С. Горбачев и перестройка: попытка объективного анализа. М.: URSS, 2014.
18. *Манов-Ювенский В.И.* Перестройка: Предательство? Провокация? Ошибка? Или неизбежность? Кто виноват? Что делать? М.: Спутник+, 2017.
19. *Межуев Б.В.* «Перестройка-2». Опыт повторения. М.: Весь Мир, 2014.
20. *Мухачёв В.В.* Приватизация России, или Игра без правил: к дискуссии о прошлом в преддверии будущего. М.: URSS, 2014.
21. Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг. / Сост. Е.Ю. Бузев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
22. *Плохий С.Н.* Последняя империя. Падение Советского Союза. М.: CORPUS, 2016.
23. Постановление Верховного Совета СССР от 21.03.1991 «Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 г.» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 13. Ст. 350.
24. Правда. 20 августа 1991.

25. Российская газета. 6 мая 1993.
26. Соловей В.Д. Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2017.
27. Станкевич З.А. Советский Союз. Обрыв истории. М.: Книжный мир, 2016.
28. Фроянов И.Я. Россия. Погружение в бездну. М.: Эксмо, 2009.
29. Хасбулатов Р.И. Преступный режим. «Либеральная тирания» Ельцина. М.: Яуза-пресс, 2011.
30. Ципко А.С. Перестройка как русский проект: отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. М.: Алгоритм, 2014.

Volgin E.I.

Perestroika of Gorbachev and Yeltsin: Differences and Similarities

Evgeny I. Volgin — Ph.D., Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: plytony@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the comparative analysis of two different eras of modern Russian history: Gorbachev's "perestroika" of the 1980s and Yeltsin's "revolution" of the 1990s. The author considers these two different periods as a single transformation process. The author considers the conceptual basis of the reform activities of these two leaders. If Gorbachev's "perestroika" did not have a consistent scenario, the Yeltsin's reformation had not only general strategic guidelines, but also a clear tactical plan. The author does not consider the reforms of 1985–1991 as a real "perestroika", a qualitative improvement of the socialist system. The real perestroika began only in post-Soviet Russia and meant a radical breakdown of the previous system and establishment of a new capitalist paradigm. One of the main factors that led Gorbachev to defeat was the conflict within the elite, provoked by the General Secretary of the CPSU at the beginning of the political reform. Yeltsin managed to unite the regional elite by signing a federal treaty and delegating a significant authority to the regions. The article also considers a political coup as an epiphenomenon of radical transformations. Political conspiracies, which took place during the years of Gorbachev and Yeltsin, played a diametrically opposite role in the fate of their reforms.

Keywords

Gorbachev, Yeltsin, Perestroika, Reform, Elite, CPSU, President.